

Война за наследство в Испании

Л.И. Ивонина

До утверждения на испанском престоле династии Бурбонов Пиренейский полуостров пережил тяжелое время ожесточенной борьбы, расчленения страны на противоположные политические лагеря и подвластные им территории. Хотя испанское наследство являлось главным поводом для развязывания в Европе длительной войны (1701—1714 гг.), территория Испании была лишь одним из театров военных действий. События на Пиренейском полуострове развивались во время войны за испанское наследство стремительно и достаточно непредсказуемо.

Тем не менее, пиренейский фронт в работах по войне за испанское наследство нередко отходит на задний план. Преимущественное внимание уделяется нидерландскому, германскому и итальянскому театрам военных действий и сражениям под командованием герцога Мальборо и Евгения Савойского¹. Основная причина такого подхода заключается в том, что Испания рассматривается в большинстве трудов в качестве жертвенного ягненка, брошенного в огонь войны, а ее трон — игрушкой в руках европейских политиков. Между тем, не стоит забывать, что в рамках Европы Испания была и остается одним из пограничных регионов, где устоявшиеся традиции, политическое мышление и менталитет в особо важные периоды истории имели решающее значение². Одним из таких периодов стало первое десятилетие века Просвещения.

С чего же все начиналось? С 80-х гг. XVII в. Европа вновь оказалась в состоянии лихорадочного поиска стабильности: на континенте наметилась существенная перегруппировка сил, смена центров политического, экономического и идеологического влияния. Американский историк П. Кеннеди справедливо назвал самой отличительной чертой международных отношений полутора столетий после Вестфальского мира 1648 г. созревание мультиполярной системы европейских государств³. К концу XVII — началу XVIII в. такая система еще не сформировалась. Полстолетия гегемонию в Европе осуществляли две державы — Франция и Швеция. Обеспечить более эффективную работу парадигмы равновесия сил предстояло либо дипломатически, либо в назревавших войнах — за испанское наследство и Северной войне.

Завещание испанского короля Филиппа IV Габсбурга (1605—1665 гг.) имело далеко идущие последствия, как затем и завещание его сына. От двух

Ивонина Людмила Ивановна — доктор исторических наук, профессор Смоленского государственного педагогического университета.

браков Филипп оставил две дочери и сына. Трон наследовал 4-летний Карл, до совершеннолетия которого страной должна была управлять вдова Филиппа и дочь императора Священной Римской империи Фердинанда III (1608—1657 гг.) Марианна. Старшая дочь Мария-Терезия, жена Людовика XIV, в завещании не упоминалась, но по Пиренейскому миру между Францией и Испанией 1659 г. она сохраняла претензии на наследство. Вторая дочь, жена императора Леопольда I (1657—1711 гг.) Маргарита-Терезия, со своими будущими детьми имела второе право после Карла на наследование престола. Третьими в этой очереди были дети сестры Филиппа IV и вдовы императора Фердинанда Марии, то есть Леопольд и испанская королева Марианна. В последнюю очередь наследство могло перейти к инфанте Катарине, дочери Филиппа II Испанского (1528—1598 гг.) и жене герцога Савойи Карла Эммануила I⁴. Казалось, испанское наследство прочно закреплено за Габсбургской династией. В 1667 г. родился сын Леопольда I и Маргариты-Терезии Фердинанд Венцель. Эйфория при венском дворе длилась недолго — через 3 месяца младенец умер. Шансы Бурбонов и Габсбургов занять испанский трон уравнились, что и привело в январе 1668 г. к тайным переговорам между Францией и Империей о разделе испанского наследства в случае преждевременного ухода из жизни или отсутствия детей у короля Карла II.

К тому времени испанская эра уже миновала. После разгрома испанской армии у Рокруа в 1643 г. и поражения от Португалии в 1665 г. исполни еще стоял во весь рост, опираясь ногами на оба мира. Но уже никого не пугал. Филипп IV был последним монархом Испании, послы которого при европейских дворах пользовались привилегией на первоочередное представление. Теперь этой привилегией обладали послы Людовика XIV. Переговоры о разделе испанского наследства стимулировала и личность последнего испанского Габсбурга, носившего на себе печать вырождения. На портрете кисти Клаудио Козльо «у него длинная шея, вытянутое лицо, острый и как бы загнутый сверху подбородок, австрийская (габсбургская. — Л.И.) нижняя губа, непропорционально крупная голова, бирюзовые глаза и нежный румянец на лице. Вид меланхолический и немного недоуменный...» «Натуру эту не могли улучшить ни премьер-министры, ни институты. Когда у корабля отсутствует руль, остается только дожидаться, когда он опрокинется», — такой приговор Карлу II и Испании вынес в июле 1685 г. герцог Монтеальто⁵.

Долгое время Леопольд I был относительно спокоен — после Карла его дети от Маргариты-Терезии оставались первыми в очереди на испанское наследство. Ситуация усложнилась в связи со смертью его жены в 1673 году. От этого брака в живых осталась лишь одна дочь Мария-Антония. Только в третьем браке с Элеонорой Пфальц-Нейбургской (1676 г.) у Леопольда родились два сына — эрцгерцоги Иосиф и Карл⁶. В то же самое время у французского короля имелись потомки мужского пола от испанской супруги, которые были уже в состоянии оставить мужское потомство. Уже в 1661 г. появился на свет «Великий дофин Людовик», а в 1683 г. — его сын Филипп. Поэтому у императора возникла идея брака 6-летней Марии-Антонии и 14-летнего Карла Испанского. Их очень близкое родство его не пугало — главное обеспечить наследство, опередить Людовика! Идею эту осуществить не удалось, а заключенный в Нимвегене в сентябре 1678 г. мир между Францией и Испанией был скреплен браком между Карлом II и дочерью герцога Орлеанского Марией Луизой. После смерти последней в 1689 г. испанский король вторично женился на Марии Анне Пфальц-Нейбургской⁷. Оба брака вследствие неполноценности Карла оказались бездетными.

Раздел испанских владений, осуществленный Англией, Голландией и Францией 11 октября 1698 г., прошел почти безболезненно. Европейские правители, только что пережив войну Аугсбургской лиги (1688—1697 гг.), не желали вступать в новые конфликты. Фердинанд-Иосиф, сын баварского курфюрста Макса Эммануэля и дочери Леопольда Марии Антонии, получал испанский трон, Людовик XIV — Неаполь, Сицилию, Президи (испанские крепости на побережье Тосканы) и Гипускоа (баскскую провинцию с цент-

ром в Сен-Себастьяне). Эрцгерцогу Карлу переходило Миланское герцогство. Когда новости о разделе достигли ушей императора, тому ничего не оставалось, как сказать: «Ладно, прежде всего, он мой внук»⁸. Но в феврале 1699 г. юный Фердинанд-Иосиф внезапно скончался от приступа аппендицита. «Смерть человека так может изменить ситуацию, что трудно вообразить все препятствия, которые она создала нам», — отреагировал на это английский король Вильгельм III в письме к Пенсионарию Голландии Хейнсиусу⁹. Ситуация в Европе изменилась в тот момент, когда вопрос казался уже решенным.

Не готовые к войне, Лондон, Гаага и Версаль настойчиво продолжали дипломатию, направленную на раздел империи «живого монарха» так, чтобы баланс сил между Леопольдом I и Людовиком XIV был сохранен. Новый раздел испанских владений 1700 г. был удивительно благоприятен для Габсбургов, если учесть, что его текст составлен в Версале. Эрцгерцог Карл получал корону Испании и ее колонии, дофин Франции — Неаполь, Сицилию, порты Тосканы, маркизат Финале, Гипускоа и Лотарингию. Милан в качестве компенсации передавался герцогу Лотарингскому, а если тот не примет это наследство, то его получат либо Макс Эммануэль, либо Виктор Амедей Савойский. Людовик XIV даже отказывался от поддержки якобитов в Англии. Но самое главное — корона Испании никогда не должна быть объединена с австрийскими владениями либо Священной Римской империей¹⁰.

В сентябре 1700 г. испанский монарх уже большую часть суток находился в беспмятстве, а его постель стала центром драматической борьбы за его волю. 29 сентября королева и имперский посол Алоиз Гаррах уговорили его передать все наследство эрцгерцогу Карлу. Первый министр кардинал Портоскарреро, узнав об этом, фактически «заставил» находившегося в полубессознательном состоянии короля 2 октября подписать новое завещание, согласно которому он оставлял трон и владения Филиппу Анжуйскому, внуку Людовика XIV¹¹.

«Какая радость! Пиренеев больше нет» — эту фразу часто вкладывают в уста французского монарха, хотя, скорее всего, ее произнес испанский посол в Париже дос Риос. 11 ноября король Людовик принял завещание Карла II, а 16 ноября представил Филиппа своему двору в новом качестве. Смущенный Филипп не мог ничего ответить на длинный комплимент дос Риоса. Тогда король Франции заметил: «Он еще не говорит по-испански — за него отвечу я». Речь Людовика перед придворными была краткой: «Господа, вот король Испании; его происхождение призывает его к этой короне; испанцы пожелали его иметь своим королем и попросили об этом меня. Я с удовольствием исполнил их просьбу — такова была воля Всевышнего». Затем он обратился к Филиппу: «Будьте хорошим испанцем, теперь это Ваш первый долг; но помните, что Вы родились французом, чтобы поддерживать единение между нашими королевствами; это лучший способ сделать их счастливыми и сохранить мир в Европе»¹². Заметим, в речи было сказано «единение», предполагавшее союз, а не «единство», предполагавшее слияние двух корон.

24 ноября Филипп Анжуйский был официально провозглашен королем Испании под именем Филиппа V. Глава французского Департамента иностранных дел маркиз де Торси, забыв про сон, старался успокоить заграницу. Тем не менее, в сентябре 1701 г. в Гааге был подписан Великий союз между Англией, Голландией и Империей. В его статьях говорилось, что испанский трон по праву принадлежит дому Габсбургов, и что герцог Анжуйский незаконно оккупировал испанские владения в Нидерландах и в Милане, вооружил флот в Кадисе и послал войска в колонии. Империя потеряла исконные наследственные права, а англичане и голландцы теперь не могут свободно плавать по морям и вести торговлю в Индии и Средиземноморье. Поэтому необходимо предпринять срочные меры для исправления ситуации: Испанскую Италию передать Габсбургам, в Испанских Нидерландах восстановить голландские крепости, а Англии и Голландии возвратит их привилегии в

Испанских Индиях. Примечательно, что в тексте документа не было прямого упоминания о лишении Филиппа V испанской короны¹³.

Как многие в Европе и опасались, испанское наследство спровоцировало-таки европейскую войну, сконцентрировавшуюся вокруг династических амбиций Габсбургов и Бурбонов. В любом случае, независимо от непосредственного виновника, эта война стала системным конфликтом между европейскими государствами нового времени, который наметился уже за десятилетия до развязки, хотели того дворы и кабинеты, или нет.

Какой мог увидеть Испанию юный Филипп Анжуйский в 1700 году? И насколько реально он мог оценить свое положение и теперь уже его королевство? К концу XVII в. в стране насчитывалось чуть менее 6 млн жителей, рассеянных по всему полуострову. 300 опустевших селений в обеих Кастилиях, 200 — вокруг Толедо, 1000 — в Кордове. Не зря пословица гласила: «Жаворонок может пролететь над Кастилией, не запасшись своим зерном»¹⁴. Угрюмая и пыльная леность сопровождала это бесплодие — испанцы отказывались от работы, в которой видели знак рабства, их идеалом была праздная жизнь сеньора и священника. Производство презиралось, торговлей занимались обращенные евреи и иностранцы; земледелие было почти уничтожено зависимостью от духовенства и грандов. Бедные с гордостью просили милостыню, а крестьяне тяжелой работе с сохой предпочитали пастушескую праздность. Страшная бедность пожирала Испанию до самых костей.

«Хотя это великая монархия, — рапортовал правительству в 1691 г. английский посланник Александр Стэнхоуп, — в ней сейчас столь много аристократии, что каждый гранд воображает себя чуть ли не государем»¹⁵. Почти полный развал центрального управления при последнем испанском Габсбурге привел к тому, что власть короны, по сути, распространилась только на Кастилию. Впрочем, там проживало 73% населения Испании. Кастильцы доминировали в испанских владениях, ее нобили контролировали Южные Нидерланды и итальянские территории, в Севилье только кастильцы официально принимали участие в американской торговле и занимали в колониях административные посты. Это обстоятельство скажется на всем протяжении войны за наследство в Испании, когда ряд других областей будет поддерживать эрцгерцога Карла и союзников, надеясь получить привилегии.

17-летний Филипп V увидел иные зарисовки и был полон радужных надежд. Их внушили ему бурные чувства жителей Мадрида, радовавшихся, что их королем становится внук найхристианнейшего, то есть французского, монарха. 18 февраля 1701 г. юный король в сопровождении герцога де Бовилье и маршала де Ноая достиг испанской столицы. По его прибытию собралась такая толпа народа, что 60 человек оказались затоптанными насмерть. Многие очевидцы считали, что бурное изъявление чувств и согласие народа — хороший знак, определявший будущее в пользу Бурбонов. Вместе с тем, нехорошим знаменем была гибель более полусотни испанцев, предрекавшая стране лавину опасностей.

У Филиппа было все, чтобы понравиться подданным — молодость и здоровье, чувство чести и мужество, и даже присущая испанцам некоторая склонность к лени. Испанские газеты так описывали нового короля за две недели до его приезда в Мадрид: «...король очень галантен и выглядит исключительно испанцем. Он истинный аристократ — стройный, с огромными глазами, открытым лицом и добрым взглядом... Он настолько хорош, что если бы он не был избран королем по рождению, он и так был бы достоин столь высокой чести. ...Его Величество очень набожен, изучал латынь и философию, умеет рисовать и музицировать...»¹⁶.

Молодой король с ленцой относился к занятиям испанским языком и долгое время не мог на нем свободно изъясняться. Но за его спиной стоял могущественный дед, и решить свои проблемы он надеялся с его помощью. В марте 1701 г. Людовик XIV инструктировал посла в Мадриде д'Аркура: «Мы имеем все причины думать, что испанцы желают видеть на своем троне именно моего внука. Посетите кардинала Портокарреро и скажите, что союз

испанской и французской корон принесет Испании одни выгоды. Ведь не секрет, что ряд держав Европы не одобряют ее выбор и уже вооружаются, готовясь изменить его»¹⁷. Европе было очевидно, что в Западном Средиземноморье формировалось единое стратегическое пространство.

Новые хозяева быстро и эффективно принялись за устройство своего наследства. В Испанских Нидерландах, например, власть была передана администраторам, перевернувшим всю структуру управления, армии и налоговой системы. А в самой Испании начались фундаментальные изменения при дворе, в администрации и армии: многие гранды были смещены со значительных постов в правительстве. Высокодоходная работоторговля с Америкой по решению суда была передана французской Гвинейской компании. Как и можно было предполагать, ни одна из перемен не была встречена с восторгом теми, кто раньше контролировал государственную машину. От Кастилии до Неаполя начались интриги и разговоры, сопровождаемые арестами и заключением под стражу¹⁸. Недовольство это, однако, не носило массового характера, но за пределами Пиренейского полуострова рождало иллюзию будущей легкой победы.

Филиппу V не сиделось в Мадриде — необходимо было действовать, да и чувствовал он себя поначалу неловко в окружении мрачных грандов и седовласого кардинала Портокарреро. 5 сентября 1701 г. король покинул столицу и выехал в Барселону, где женился на 12-летней Марии-Луизе-Габриэле Савойской. В Версале надеялись, что этот брак укрепит союз Испании и Савойи, что впоследствии не оправдалось.

Путешествуя по своему королевству, Филипп заметил, что в Каталонии его встречали без присущего подобному случаю энтузиазма. Поэтому он был настроен непредвзято по отношению к каталонцам: в 1701—1702 гг. он созвал не собиравшиеся со времен Филиппа IV каталонские кортесы, подтвердил фуэрос (местные незыблемые обычаи), и даже предоставил Барселоне права порто-франко и торговли с Америкой. Признавшие нового монарха кортесы вотируют сбор налогов. Тем не менее, каталонцы не доверяли новой династии — ведь централизация государства и монополизация власти в Испании по французскому образцу с восшествием на трон Бурбона становились очевидными. Это неизбежно усиливало местный сепаратизм, порождало враждебное отношение к администрации Филиппа V и обуславливало поддержку другого кандидата на престол, что обостряло ход войны за наследство в Испании. «Франция подобна раку, который, расплзаясь, сеет ужас и смерть; она ведет войну, не жалея ни католиков, ни протестантов, ни светских... Испания лишь игрушка в руках Франции...», — говорилось в памфлете «Взгляд на Европу», изданном в Барселоне в 1700 году¹⁹.

Война за наследство в Испании фактически началась в 1702 году. Фактически, поскольку чаще всего в литературе указывается, что Испания стала театром военных действий только в 1703 году. Однако это утверждение касается только Пиренейского полуострова. Союзники только ожидали благоприятного момента. Как новый монарх, Филипп V намеревался посетить свои владения в Италии с целью укрепить там испанское господство в условиях выдвинутых австрийскими Габсбургами претензий на ряд владений, что он и осуществил в начале года. Ведь ряд итальянских территорий имел неопределенный статус: в государственном отношении (то есть подданства) они относились к испанской короне, но их государи держали лены именно от Габсбургов. Смена династии на испанском троне привела, в первую очередь, к юридической неразберихе. Соотнести все с новыми реалиями было сложно, и законность владений можно было доказывать с различных позиций. Филиппу многое придавало уверенности: во-первых, Людовик XIV сообщил ему в конце 1701 г., что послал войска в Италию, а во-вторых, как он сам признавался деду, «я ожидал неприятия моей особы министрами в Мадриде. Но таких оказалось немного. Я надеюсь на успехи Вашего оружия в Италии»²⁰.

Реакцией Вены на неопределенные позиции итальянских князей, но, скорее, провокацией еще не начавшейся войны стала итальянская кампания

имперского главнокомандующего принца Евгения Савойского. За год до формального объявления Империей войны Франции и Испании, в феврале 1701 г., он двинулся с армией в Северную Италию. 9 июля имперский главнокомандующий нанес поражение французской армии под командованием маршала Катина при Карпи. 1 сентября в бою у Ольо близ Чиари он победил сменившего Катина маршала Вильруа²¹. Успехи принца Евгения произвели впечатление на итальянских князей. Генуя и Тоскана возобновили переговоры с Империей о получении инвеституры. Их примеру последовали и другие, ранее колебавшиеся, итальянские государи. Многих из них тяготило испанское правление, и, как это часто бывает, появилась надежда, что будет лучше, чем раньше. А в Неаполе в сентябре 1701 г. вспыхнуло вооруженное восстание в пользу эрцгерцога Карла с лозунгами «Да здравствует император!» Тем не менее, ожидание Веной немедленного успеха не оправдалось. Некомпетентность лидеров плюс скорый отход народа от восстания способствовали его полному фиаско²².

Вильруа не был соперником для Евгения, но сменивший его двоюродный племянник короля герцог Вандом (ветвь Вандомов по прямой линии происходила от деда Людовика Генриха IV Бурбона) обладал более высокими полководческими данными. Филипп V прибыл в его войска и участвовал в ряде батальи на севере Италии. 26 июля 1702 г. Вандом одержал победу над имперской армией при Санта-Витория. 15 августа в присутствии юного испанского короля, рискуя своей жизнью на фронте, французский полководец, в соответствии с собственными донесениями в Версаль, нанес поражение Евгению Савойскому при Луццаре. К концу итальянской кампании 1702 г. французы с помощью превосходящих сил еще контролировали Мантую и территорию к югу от реки По.

Помимо участия в сражениях, испанский король успел посетить Турин и Милан. Его прибытие в Италию также способствовало успокоению Неаполя. В сражениях он проявил отвагу, за что получил прозвище Филипп Храбрый, которое он подтвердил во время долгой войны за собственное наследство. Тем не менее, посещение Филиппом своих владений на Апеннинах было ошибкой — именно во время его пребывания в Италии начались первые кампании армий Великого союза на Пиренейском полуострове.

Была ли готова Испания к войне? Советники Филиппа обнаружили, что для ведения войны страна ресурсами не располагала. В декрете об общем состоянии, выпущенном еще в июле 1791 г., она имела «неудовлетворительные корабли и солдат для защиты... в большинстве городов было сложно найти мушкет, аркебузу или пику». Такой важный пункт, как Сарагоса, вообще был лишен артиллерии. Один солдат, принимавший участие в войне за наследство, заметил: «от Росаса до Кадиса не было замка или форта, который бы имел хороший гарнизон. Особенно это был характерно для портов Бискайи и Галисии. В магазинах отсутствовала амуниция, арсеналы и корабли на рейде были пусты. Искусство строительства судов, кажется, давно было забыто»²³. В 1702 г. ресурсы испанской короны были, прежде всего, ограничены на море, и это в то время, когда голландцы и англичане в этом отношении представляли величайшую угрозу. Флот насчитывал всего 28 галионов. Такая морская сила годилась разве что для защиты собственной торговли с американскими колониями. Пешие формирования также не радовали глаз. В начале войны они составляли 13 268 пехоты и 5097 конницы²⁴. Военного производства в Испании практически не существовало. Это казалось удивительным для страны, находившейся последнее столетие в состоянии войны с Францией и другими державами.

Временным отсутствием в стране короля и недостаточностью его военных ресурсов воспользовались противники. В Кадисе 50 английских и голландских кораблей под командованием адмирала Джорджа Рука высадили 40 тыс. солдат во главе с герцогом Ормондом. Одновременно сторонниками эрцгерцога Карла, возглавляемыми вице-королем Каталонии Георгом Гессен-Дармштадским, были захвачены Пуэрто и Санта-Мария. В октябре 1702 г.

англичане во главе с Руком захватили в бухте Виго испанский флот из 27 галионов с грузом серебра из Америки, находившихся под конвоем французских кораблей адмирала Шаторено. Это событие стало известно как «дело галионов Виго»²⁵. Испания больше не участвовала в морской войне, предоставив защищать себя французскому флоту. На протяжении двух столетий правления Габсбургов Испания, по словам английского испаниста Г. Кеймена, «демонстрировала изумительную способность заставлять являться как по волшебству людей, снаряжение и корабли со всех частей мировой монархии»²⁶. Теперь, в начале XVIII в., она оказалась отрезанной от доступа к ресурсам за пределами полуострова и скоро поняла, что ее собственных сил для борьбы недостаточно. Только 17 января 1703 г. Филипп V, вернувшись в Испанию, попросил Людовика XIV о военной помощи.

Прозревшему от эйфории теплого приема и своего королевского статуса, Филиппу V пришлось преодолевать большие трудности. Его казна ничтожна, его войска, как оказалось, не способны без помощи французоз эффективно сражаться за сохранение итальянских владений и крепостей в Испанских Нидерландах. Прибывший с ним в Мадрид маркиз де Лувиль открыто презирал испанцев, и тем самым создавал немалые проблемы в общении с придворными и министрами. Он также систематически строчил в Версаль рапорты, нередко расходящиеся по содержанию с письмами Филиппа деду. В итоге Людовик отказал в просьбе внука послать Демаре в Испанию и заставил Филиппа ждать военного советника маркиза де Пюисегюра. «Ваше терпение будет вознаграждено», — ответил французский король, весьма озабоченный тогда кампаниями на Рейне и в Италии²⁷. Вместо Никола Демаре в Мадрид был послан советником по финансам интендант Жан Орри. Изучив ситуацию, Орри нашел, что на войну можно потратить только 3,5 млн эскудо в год, в то время как требовалось 12 млн²⁸.

Глава французского Департамента иностранных дел маркиз де Торси намеревался сам контролировать испанскую политику. Но борьба дворцовых и министерских клик при дворе Людовика не только не прекратилась с началом войны, но и, напротив, усилилась. В 1703 г. некоронованная королева Франции мадам де Ментенон, действуя через военного министра Шамийяра и посла в Испании д'Аркура, а еще более — через свою подругу, фрейлину королевы Испании честолюбивую принцессу Дезюрсен, урожденную Ла Тремуиль, — воспрепятствовала претензиям Торси на влияние в Мадриде. Как признавалась Ментенон, «Дезюрсен управляла королевой, а та управляла Испанией». Но тут же замечала, что стараниями Дезюрсен «грестиж королевской четы рос с каждым днем», а Ментенон во Франции с каждым днем падал²⁹. Влияние искушенной дамы, разбиравшейся в тонкостях придворных интриг, могло оказать положительный эффект в смысле организации управления двором в Мадриде, но также могло и усугубить испанские проблемы в сфере политики и войны. Во многом по этой причине молодой испанский король, несмотря на мужество и упорство, по мнению историков, проявит себя не очень способным правителем. Ему удастся стать «хорошим испанцем», но, находясь под огромным влиянием жены Марии-Луизы, на которую, в свою очередь, оказывала воздействие принцесса Дезюрсен, он нередко вовремя не мог принять четких и верных решений.

18 января 1703 г. престарелый кардинал Портокарреро, архиепископ Толедский, примас Испании и регент королевства во время отсутствия Филиппа V, информировал Торси о намерениях отойти от активной политической жизни. Портокарреро назвал две причины такого решения — перерождение дворянства и неспособная администрация. «Дворянство плохо образовано, не имеет опыта, зато обладает непомерными амбициями, ждет подарков и выгодных назначений. Процветает фаворитизм и личный интерес... Все это ведет к неизбежным ошибкам в администрировании. Наследованием должностей в правительстве и военном командовании...»³⁰. Думается, однако, что кардинал не указал самую важную причину своего ухода — разочарование в собственной политике, в том, что посадил Филиппа Ан-

жуйского на испанский трон, надеясь на предотвращение войны и усиление государства.

Положение Филиппа Бурбона в Испании стало еще более шатким из-за «отступничества» Педро II Португальского от союза с Францией. Согласно договору 27 декабря 1703 г., подписанного англичанином Джоном Мэтуном в Лиссабоне, Португалия вступила в Великий союз и открыла свою и бразильскую территорию для британской торговли. Поведение Педро II легко объяснить. Во второй половине XVII в. Португалия состояла в союзе с Францией, охраняя вновь приобретенную независимость от Испании. Враждебность по отношению к Кастилии была традиционной для Лиссабона. Ныне же, в условиях тесного династического и политического союза Версаля и Мадрида, португальский король испугался распространения территориальных амбиций Бурбонов как на полуострове, так и в Америке. И, заметим, именно он первым обязал Великий союз признать эрцгерцога Карла испанским королем, отказываясь предоставить в союзную армию вооруженные силы, пока тот не будет переброшен в Испанию³¹. Через месяц имперский претендент на испанский трон нанес визит королеве Анне Стюарт в Виндзор в новой роли Карла III Испанского. Он настолько понравился королеве, что она все годы его пребывания на Пиренейском полуострове писала ему каждый месяц. Анна терпеливо читала его жалобы, сокрушалась по поводу поражений, поздравляла с победами и постоянно обещала денежную помощь. В посланиях в Вену королева замечала, что «король Испании» так пришелся ей по сердцу, что она употребит всю свою власть для того, чтобы ему сопутствовало счастье. Впрочем, эти обещания на деле имели мало результатов — львиная доля английских финансов уходила на военные действия на континенте³².

Признание Карла в Англии в качестве испанского короля позволило ему официально прибыть 24 февраля 1704 г. в Лиссабон на одном из кораблей флотилии Рука в составе 30 английских и 19 голландских кораблей. Союзные войска вместе с португальскими частями насчитывали 20 тыс. пеших и 700 конных солдат. Только после этой акции Филипп V официально объявил войну союзникам. В его Декларации говорилось: «Война — ультимативный призыв к суверенам мира... ее ведение приносит много крови и страданий, ложится тяжелым бременем на королевство... только важные причины могут оправдать ее. Мы справедливы, поскольку наше право на трон было законным и публично принятым во всем мире... (Далее перечислялись государства, признавшие Филиппа — Франция, Морские державы, наиболее влиятельные фамилии Италии и Германии, Северные страны, Португалия. — Л.И.). Только один император вел войну против нас в Италии и во Фландрии. Теперь его поддержали государства, изменившие своему слову... Мы не желаем войны, но вынуждены вести ее во имя справедливости...»³³.

После высадки Карла в Лиссабоне Рук отплыл в Барселону, рассчитывая, что город сдастся при первом появлении флотов на ее рейде. Но губернатор Барселоны оказался верен законному монарху. Тогда Рук отплыл в Тулон, где на якоре стояла французская эскадра. По пути, однако, он увлекся погоней за другой эскадрой Людовика XIV, шедшей из Бреста на соединение с тулонской. Погоня эта закончилась неудачей — Рук рассчитывал на помощь другого английского адмирала сэра Клоудесли Шовела, посланного блокировать Брест. Шовел опоздал, и Рук, справедливо считая себя не в силах оказать сопротивление объединенной эскадре французов, отступил к Гибралтару. Тем временем, невзирая на неудачи Рука, в марте Карл III двинулся к Мадриду.

Это заставило Людовика обратить пристальное внимание не только на военные операции в Нидерландах и в Италии. В феврале того же года 12-тысячная армия герцога Бервика, племянника Мальборо (волею судеб он оказался в противоположном лагере — его мать Арабелла, сестра Джона Черчилля, была любовницей Якова II) в сопровождении маркиза Пюисегюра перешла испанскую границу. 16 февраля, после блестящего въезда в Мадрид, Бервик был назначен Филиппом капитан-генералом объединенной франко-испанской

армии, которая насчитывала 18 тыс. пехоты и 8000 конницы. Возглавить армию Филипп решил лично. Его целью было взятие Лиссабона и изгнание «второго» испанского короля с полуострова. Ему это удалось. Провидение Карла III по испанской территории превратилось в отступление. В мае на корабле Рука Карл покинул Лиссабон. Общее командование войсками Великого союза было передано Георгу Гессен-Дармштадскому³⁴.

Тем не менее, адмирал Рук, как и следовало предполагать, не сложил оружия. Сделав неудачную попытку овладеть Кадисом, он 1 августа бомбардировал и взял Гибралтар, что дало Англии ключ от Средиземного моря. 6 августа Гессен-Дармштадский вступил в город от имени короля Карла, хотя уже двумя днями ранее он был объявлен английским.

Филипп тотчас же предпринял попытку отбить этот важный стратегический пункт, обратившись за помощью к французскому флоту в Тулоне. Утром 24 августа 1704 г. состоялась битва флотов противников у Малаги. Сражение продолжалось 13 часов и сопровождалась значительными потерями: большая часть судов надолго выбыла из строя, много морских офицеров высшего ранга были убиты или ранены. При этом ни одна сторона не добила желаемых результатов. На следующее утро флоты разошлись в разные стороны, но Рук и англичане, чего так хотели испанцы и французы, из Гибралтара выбиты не были.

Последующие попытки французского флота отбить Гибралтар оказались тщетными, закончившись потерей всех кораблей. По словам одного из французских морских офицеров, «с этим несчастьем... чудеса, совершенные им (флотом. — Л.И.), его огромные заслуги были забыты. В его значение уже не верили больше. Армия, находясь в более близком общении с народом, привлекла на свою сторону все его расположение и симпатии. Господствовавшее ошибочное утверждение, что величие или падение Франции зависело от ряда позиций на Рейне, могло только благоприятствовать этому нерасположению к флоту, которое создало силу Англии и нашу слабость»³⁵.

В это же время на суше продолжалась португальская экспедиция союзников под командованием герцога Шомберга и двух португальских генералов — де лас Кальвеаса и дас Минаса. Поначалу эта кампания носила оборонительный характер против значительно превосходящих в коннице сил Бурбонов. Вскоре произошли перестановки в командовании обеими сторонами: Шомберг был отозван в Англию, а граф Галвей стал командовать союзной армией уже в августе; 10 ноября в Мадрид прибыл французский маршал Тессе, заменив герцога Бервика. Поначалу главной задачей нового командующего силами французов и испанцев было вернуть Гибралтар. В феврале 1705 г. он с армией и барон де Пуэнтис с 13 линейными кораблями прибыли под стены Гибралтара и начали его осаду. К маю все попытки взять крепость провалились. Тессе и де Пуэнтис сняли осаду и маршем двинулись на север³⁶.

24 июля английский флот под командой адмиралов Шовела и Альмонда в составе 43 кораблей отплыл из Лиссабона с Карлом на борту. 4 августа 1705 г. флот появился близ Гибралтара, а шестью днями позднее бросил якорь в порту Альтеа в Валенсии. В провинции началась гражданская война. 9 октября Барселона капитулировала перед Карлом III. К концу года Каталония и Валенсия оказались в руках армий Великого союза и под властью второго испанского короля.

В конце декабря маршал Тессе покинул Эстремадуру и прибыл в Сарагосу с целью вернуть Филиппу Барселону. 6 апреля 1706 г. началась атака 40-тысячной французской армии на стены Барселоны. Пешим войскам французов и испанцев содействовали 30 кораблей графа Тулузского, прибывшие из Тулона. Подготовленному к осаде гарнизону Барселоны шла на помощь из Гибралтара эскадра из 50 кораблей (из них 14 голландских) адмирала Лейка. 7 мая Лейк прибыл в Барселону, где уже не застал ни одного французского судна: узнав о приближении флота союзников, граф Тулузский увел эскадру в Тулон. 11 мая Тессе, оставив свыше 100 орудий под стенами Барселоны, отошел в направлении Перпиньяна на север страны³⁷.

Присутствие армий Великого союза в Арагоне заставило Филиппа возвращаться в Мадрид через Наварру, что было болезненным ударом по власти и самолюбию молодого короля. Фактически земли арагонской короны (Арагон, Каталония и Валенсия), нарушив верность признанному ими сюзерену, лишились правовых оснований сохранить традиционные привилегии, чем и воспользовалась впоследствии династия Бурбонов. Карла III восторженно приветствовали в Барселоне, Валенсии и Мурсии, почти так же, как и законного Филиппа V.

Для набожной Испании война за наследство во многом была войной религиозной. Конечно, эрцгерцог Карл тоже был правоверным католиком. Но разве в его войсках не объединились европейские протестанты всех мастей? Разве здесь не было немецких лютеран и голландских кальвинистов, англикан и шотландских пресвитериан? Уже в сентябре 1702 г. в Испании стали распространяться слухи, что «еретики... грабят церкви, превращая их в конюшни и топчa ногами Святые Дары, разбивая статуи святых, надевая на них маски и таская их за веревки по улицам». Кстати, когда Людовик XIV указал на это в беседе с послом своего внука, тот ответил: «Тем лучше, Сир, тем лучше!» Многие политики понимали, что эти промахи армии эрцгерцога сослужат хорошую службу Филиппу Бурбону. Примечательно, что в конце 1703 г. в Италии была отчеканена медаль, имевшая огромный успех. На лицевой стороне ее было изображение герцога Анжуйского с надписью «Филипп V, божьей милостью католический король», а на обороте — портрет его конкурента, подписанный «Карл III, католический король по милости еретиков»³⁸. Армия Филиппа V стала активно пополняться солдатами, ранее не совсем понимавшими, в чем же состоит их долг. Ныне они собирались «защитить религию и родину» до победного конца. К середине первого десятилетия XVIII в. большинство жителей Пиренейского полуострова были единомышленны в том, что Филипп быстро приобщился к кастильскому духу, и именно он их истинный король.

Будущее Испании во многом predeterminedили еще и военные реформы, проводившиеся по французскому образцу. Из соседнего королевства поставлялось современное оружие, вводились полки, был осуществлен набор в армию: один человек из ста должен был пополнить войска Его Величества. С конца 1703 г., наряду с импортом из Франции, появились военные мануфактуры в Арагоне, Гранаде, Наварре, в Мадриде активизировалась деятельность французских банкиров. Война в Испании стимулировала и французское военное производство. Суммы военных расходов, переведенные в Париж из Мадрида в 1705—1707 гг., составили 7 970 537 реалов. А в 1708 г. Филиппом была ассигнована французам огромная по тем временам сумма — 15 млн реалов³⁹. Эти реформы сыграли важную роль в преобразовании испанских войск: прежде всего, была налажена координация действий на суше и на море; устаревшее вооружение (аркебузы, пики) было заменено французскими кремневыми ружьями со штыками; сухопутные войска разделены на полки; солдаты стали носить униформу.

Проходила в Мадриде и реформа администрации. В попытках обеспечить более тесное взаимопонимание между Францией и Испанией, Филипп V по совету Людовика ввел равенство дворянских рангов. Отказ испанских грандов стать равными даже французским пэрам вылился в оппозицию, возглавляемую герцогом Альба. В итоге гранды были исключены из правительства, а кортесы стали играть в жизни страны минимальную роль. Тем не менее, большинство грандов не примыкали в войне ни к Филиппу, ни к эрцгерцогу Карлу, предпочитая встать на сторону того, кто одержит победу. Тот же Альба в середине первого десятилетия XVIII в. благополучно оказался в Версале, при дворе Людовика XIV.

А испанский двор, тем временем, по уши погряз в интригах, разбавленных благодаря принцессе Дезюрсен и аббату д'Эстре «версальскими шутками». Несмотря на это, французский посол в Мадриде Амело умело исполнял функции первого и военного министра. В ноябре 1706 г. Тоби Боурк, опла-

чиваемый из Версаля ирландский полковник, писал Торси: «Амело работает день и ночь. Здесь все убеждены, что он сохраняет весь кредит и имеет всю власть, и что ничего существенного без него не делается». А принцесса Дезюрсен замечала мадам де Ментенон: «...Он выполняет работу министра лучше, чем посла»⁴⁰.

Для более эффективных действий в Испании Людовик решил открыть второй фронт. В феврале 1706 г. он сделал герцога Бервика маршалом Франции и послал на Пиренеи воевать против Португалии, где умершего Педро II сменил Жоан V (1706—1750 гг.). Племяннику герцога Мальборо, однако, не удалось предотвратить захват союзниками Алькантары, откуда открывалась дорога на Мадрид. Солдаты Великого союза уже маршировали по дорогам Кастилии. 7 июня пала Саламанка. 20 июня двор Филиппа покинул столицу и переехал в Бургос на севере страны. Король отчаянно рвался в бой и настаивал Бервика дать решительное сражение, но вместо этого тот позволил лорду Галвею и дас Минасу 27 июня вступить в Мадрид. В этот же день эрцгерцог Карл официально был провозглашен королем Испании⁴¹. Но жители Мадрида и всей Кастилии отказались подчиняться иностранным войскам и признать нового короля. 29 июня союзникам подчинился Сарагоса. Так четыре главных города Испании оказались в руках Карла III. Лондон тут же воспользовался этим: в ноябре его представители Питерсборо и Стэнхоуп были назначены провести с новым испанским королем переговоры о торговых привилегиях Великобритании в Испанской Америке. Эрцгерцог согласился на свободную и бесполошинную торговлю английских купцов в колониях, хотя и затягивал подписание договора до января 1708 года⁴².

Британский генерал лорд Галвей (кстати, бывший француз-гугенот по имени Анри маркиз де Рювиньи) и португальцы ожидали прибытия нового короля в Мадрид. А Людовик, тем временем, послал через Наварру новые подкрепления Бервику. 15 июля Карл III прибыл в Сарагосу, но только 6 августа достиг союзного лагеря в Гвадалахаре. Как будто само небо помогло Филиппу V в этом тяжелом году! Пиренеи подверглись нашествию невиданного циклона, пошли непрерывные дожди, дороги размыло, связи между союзной армией и Португалией были нарушены, что, наряду с сопротивлением «вояжу» эрцгерцога Карла в Мадрид, помешало ему достичь желанной цели.

4 октября 1706 г. в столицу возвратился Филипп V. А еще раньше, 1 октября, Карл III вступил в Валенсию, сделав его своей столицей на следующих пять месяцев. В ноябре Бервик взял Картахену, продолжив победы в Кастилии и Мурсии. В декабре маркизу де Баю удалось вернуть Алькантару, а затем французы и испанцы встали на зимние квартиры. Арагон все еще находился под контролем армии Великого союза.

Испанские неудачи союзников обуславливались еще тем, что Галвей и Карл III постоянно ссорились, разделив войска. В марте 1707 г. Карл покинул Валенсию, оставив ее на Галвея и дас Минаса, двинувшись на Барселону. В ответ на это Людовик выслал в Испанию очередное подкрепление под командованием племянника герцога Орлеанского, прибывшего с войсками в Мадрид 10 апреля. Но к событию, которое могло бы принести ему военную славу, герцог опоздал: Бервик ушел навстречу Галвею несколькими днями раньше.

Обе армии расположились близ города Альмансы (Юго-Восточная Испания). Франко-испанские войска насчитывали 25 тыс. солдат, английские и португальские — 15,5 тысяч. Битва началась после полудня 25 апреля 1707 г. и длилась два часа. Активно задействовались и артиллерия, располагавшаяся на близлежащих холмах. Первыми начали обстрел французы. Когда конный авангард герцога Орлеанского был атакован сотней английских драгунов, а 11 португальских эскадронов по приказу Галвея стали перемещаться в центр сражения, Бервик бросил в контратаку конницу, поддерживая ее пушечным обстрелом противника. Галвей потерпел сокрушительное поражение, потеряв почти половину войск; потери Бервика — 5000 человек. Кстати, в пылу

сражения последний с трудом поверил офицеру, сообщившему ему об отступлении союзников и победе французов. В послании университету Саламанки от имени Филиппа V по-прежнему делался упор на религиозной природе настоящей войны: «Бог и его Божественное Провидение подвигли нас на эту битву и эту победу...»⁴³. Победа французов и испанцев у Альмансы имела далеко идущие последствия: инициатива в войне отныне принадлежала Испании.

8 мая 1707 г. была полностью занята Валенсия, 26 мая — Сарагоса. Так, после победы при Альмансе Филипп Бурбон вновь стал хозяином Валенсии и Арагона. Их привилегии сразу же были уничтожены. Арагонская корона была упразднена, а кортесы ее областей — Каталонии и Валенсии — распущены. Арагонский совет в Мадриде прекратил существование, а Валенсия даже потеряла гражданское право. Забегая вперед, скажем, что в дальнейшем испанский язык (имеется в виду кастильское наречие) здесь вытеснил каталанский. В 1709 г. были созданы первые общеиспанские кортесы с участием представителей Арагона и Валенсии. В кортесах 1712 г. уже участвовали депутаты покоренных районов Каталонии. А в 1717 г. Испания, намог опутав в этом отношении Францию, отменила внутренние таможи. Таможенную обособленность сохранили только Наварра и Страна Басков. Под влиянием Франции возникли министерства во главе с секретарями личной королевской канцелярии, в 1714 г. был создан Совет министров, заменивший бывший Государственный совет⁴⁴.

В начале августа 1707 г. разсодованный ходом военных действий в Испании герцог Мальборо сосредоточил англо-голландский флот сэра Клоудесли Шовела вместе с имперско-савойскими войсками под командованием принца Евгения и герцога Виктора Амедея под Тулоном. Атака города прошла для союзников неудачно, и 22 августа они были вынуждены снять осаду. Надежды императора и Морских держав на быстрый триумф в Испании и вторжение во французский Прованс провалились. Более того, возвращаясь на родину, английский флот понес тяжелую потерю: 4 линейных корабля, на одном из которых находился адмирал Шовел, разбились на Сицилийских рифах. Шовелу удалось спастись, но на берегу он был убит. 14 октября под ударами объединенной армии Бервика и герцога Орлеанского пала Лерида⁴⁵.

Течение событий на Пиренейском полуострове стало для испанцев и французов своеобразной компенсацией за поражения за его пределами. 7 сентября 1706 г. объединенная армия принца Евгения и Амедея разбила численно превосходящую французскую армию под Турином. Эта победа укрепила позиции Великого союза, так как еще в мае того же года герцог Мальборо в битве при Рамийи нанес поражение армии Макса Эммануэля Баварского. В результате продвижение французов в восточном направлении было остановлено. Вскоре один за другим пали их опорные пункты в Италии: Мантуя, Модена, Казале... Милан сдался на милость победителя в конце октября, а в марте 1707 г., согласно Миланской конвенции, Франция признала отказ от Северной Италии⁴⁶. Военные операции в Европе наметили будущие очертания испанских владений, но не определили судьбу Испании в целом.

Осенью 1707 г. в лагере эрцгерцога Карла воцарилось настоящее уныние. В Лондоне и Гааге полагали, что не только некомпетентность союзного военного руководства и соперничество генералов тому виной, но и недостаточная активность Вены в борьбе на Пиренейском полуострове. Действительно, до 1709 г. Империя уделяла меньший приоритет иберийским делам по сравнению с другими фронтами. Показательно, что на переговорах о создании Великого союза в 1701 г. император Леопольд даже не настаивал на признании англичанами и голландцами его династических претензий к Испании. Последняя была также последней в списке приоритетов его сына Иосифа I (1705—1711 гг.), в отличие от английского министерства, где она стояла первой. Как отмечал Иосиф в письме к королеве Анне, «Испания

должна быть завоевана ценой самих испанцев». Или, как полагали его советники, она может быть завоевана во Франции дипломатическим давлением на ее короля Людовика⁴⁷, что и предпринималось впоследствии на долгих и бесплодных переговорах о мире с Версалем в 1709—1710 годах. Главными причинами подобного невнимания Вены к испанскому направлению были ограниченность ресурсов и сложности переброски войск из Австрии.

Однако в конце 1707 г. англичане стали настойчиво просить Иосифа I переправить принца Евгения с армией в Испанию в ожидании, что его присутствие обяжет императора более активно бороться за дело брата. Иосиф думал несколько недель и даже назначил Евгения командующим кампанией 1708 г. в Испании. Но затем он передумал отправить своего лучшего командующего туда, откуда он не смог бы руководить военными действиями в случае внезапной атаки турок или шведов. Поэтому в Испанию был послан граф Гвидо Штаремберг. В окончательном варианте соглашения от апреля 1708 г., пункты которого были оговорены Евгением и Мальборо, Империя поставляет на Пиренейский полуостров 5000 солдат, а Морские державы оплачивают их рекрутирование в сумме 120 тыс. флоринов. В командованием союзной армией произошли перемены: Галвей был заменен на Стэнхуупа⁴⁸.

В начале 1708 г., в связи с тяжелым положением на нидерландском и имперском фронтах, Бервик получил приказ из Версаля вернуться во Францию. В марте он спешно покинул Мадрид, даже не проинформировав об этом двор. Тем не менее, удача продолжала сопутствовать Бурбонам — 11 июня под ударами герцога Орлеанского пала Тортоза. К сожалению, герцог, не успев основательно развить военный успех в Валенсии, осенью, подобно Бервику, был также отозван во Францию. При дворе в Версале ходили слухи, будто бы он тайно вступил в сговор с англичанами, надеясь стать королем Испании.

Неудачи союзников на суше в 1708 г. компенсировались на море взятием в сентябре Минорки адмиралом Лейком. Еще со времен Оливера Кромвеля Англия имела виды на прекрасную гавань этого острова — Порт-Магон; наконец, этой мечте суждено было сбыться⁴⁹. Захват Минорки имел огромное значение для завоевания господства Великобритании в Средиземном море. Имея уже в своем распоряжении Лиссабон и Гибралтар, Лондон получал достаточную возможность контроля портов Кадиса, Картахены, Барселоны, Тулона и Генуи. Великобритания владела Порт-Магоном в течение 50 лет и за это время основательно вооружила и расширила Гибралтар.

Зима 1708/1709 гг. была исключительно холодной (мороз доходил до -20 градусов) и трудной не только для Франции — в Испании было не лучше: массовые болезни и смерть имели место и там. Однако на Пиренейском полуострове страдали от холода и голода не только местные жители, но и армия Великого союза, что в определенной мере обусловило его потери и неудачи. 19 апреля 1709 г. капитулировал английский гарнизон в Аликанте, а 7 мая маркиз де Бай одержал важную победу у Ривер Кайо на португальской границе.

Затем, неожиданно для Филиппа V, Версаль решил вывести все французские войска из Испании: переговоры с представителями Великого союза вынуждали Короля-Солнце ради спасения собственного королевства поступиться интересами внука. Более того, их вела одна Франция, а Филипп, хотя и занимался посылкой агентов для переговоров, не имел официальных полномочных послов. «Наши дипломаты защитят Вас», — оправдывался Людовик в письме внуку от 29 апреля⁵⁰. Но как защитят? Скоро стало известно, что на переговорах в Гааге и Гертруденберге в 1709—1710 гг. Филиппу в обмен на Испанию предлагали Неаполь и Сицилию, и что французская сторона шла на значительные уступки. А ведь Филипп уже выучил испанский язык!

Поведение Версаля вызвало бурю отрицательных эмоций при дворе в Мадриде и в испанских войсках. Антифранцузские чувства выливались даже в кровавые драки и дуэли. Людовик все же сохранил несколько батальонов и

французских гарнизонов в ключевых фортах Памплоны и Бискайи. А Филипп V был намерен бороться за трон до конца. То, что этот конец будет победным, уже ставший испанцем король почти не сомневался. Обиженный на деда, он приказал сократить привилегии французским торговым компаниям — Китайской компании, Компании Южных морей, Вест-Индской компании. В Испании вводились пошлины на французские товары. Итог этой деятельности оказался плачевным — в следующие два года Испания ничего не получила от морской торговли, торговые корабли из Америки стали заходить во французские порты, минуя испанские. Положение усугублялось тем обстоятельством, что уже в январе 1709 г. английский адмирал Бинг собрал все необходимое для устройства крупного порта в Порт-Магоне. Была установлена блокада испанского и французского берегов. Кроме того, Бинг поддерживал связи между Испанией, Сардинией и Южной Италией⁵¹.

В 1710 г. военные действия продолжались в Арагоне. Не обошлось без последствий для Филиппа и лишение Арагона и Валенсии их привилегий. Монополизация власти по французскому образцу не пришлась по душе грандам, а тут еще в связи с военным положением усилился и налоговый гнет... В результате антиналоговые выступления крестьян и горожан Арагона и Валенсии слились с недовольством местных грандов. Командующим армией в восставшем Арагоне Филипп назначил маркиза Вилладариса, а 3 мая сам выехал на место действия. В значительной степени его взбудоражили апрельские письма Людовика, вновь вознамерившегося защищать интересы Испании. Однако сражение с войсками генерала Стэнхоупа близ Альменары 27 июля было неудачным, и испанцы отступили к Лериде. Спустя три дня Стэнхоуп с оптимизмом писал в Англию: «Надеюсь, что наши потери в Испании оправданы, и эта война закончится очень скоро»⁵². Внезапная депрессия Филиппа способствовала замене Вилладариса на ранее успешного де Бая, но и это не помогло.

20 августа у Сарагосы Штаремберг с 23 тыс. солдатами одержал победу над 20-тысячным войском де Бая. 21 августа второй испанский король вступил в Сарагосу и пробыл там пять дней. Большая часть Арагона перешла под контроль армии союзников, которая, как и в 1706 г., двинулась на Мадрид. 9 сентября королевская семья покинула столицу и временно перекочевала в Вальядолид. А 28 сентября 1710 г. Карл III торжественно въехал в Мадрид.

В том же году в Англии на выборах в парламент победили тори — сторонники мира. Но мир, предложенный Лондоном, уже казался Версалю неприемлемым, и насущной проблемой для Людовика стала ликвидация ранее допущенных испанских ошибок, а если быть точнее — преждевременного вывода французских войск с Пиренейского полуострова. Поэтому 28 августа герцоги Вандом и Ноай покинули Париж, чтобы возглавить войска в Испании. 17 сентября они уже были в Вальядолиде и, встретившись с Филиппом и его командующими, разработали план совместных военных действий. Было решено, что де Бай защищает Эстремадуру против португальцев, Вандом с самой большой армией из 25 тыс. солдат берет на себя центральную часть Испании, а Ноай будет атаковать каталонцев из Руссильона.

Позиции союзников резко слабели из-за возраставшей враждебности жителей Мадрида. 30 ноября Вандом написал маркизу де Суршу в Версаль: «Я надеюсь, что Вы отныне будете получать из Испании хорошие вести»⁵³. Карл бежал в Барселону, куда прибыл 15 декабря. Еще ранее, в конце ноября, отступавшая союзная армия вновь разделилась. Ее арьергард под командованием Штаремберга начал движение к Арагону. 3 декабря Филипп V возвратился под громкие приветственные крики народа в Мадрид, но уже через три дня отправился в направлении Алькалы, чтобы соединиться с Вандомом. В течение трех суток в холодное время года он находился среди солдат, не раздеваясь и не разуваясь, столь сильно было его желание победить, доказать деду свою силу и самостоятельность, и, конечно же, властвовать в Испании.

6 декабря Стэнхоуп с войсками, полагая, что Вандом еще далеко, прибыл в Бриуэгу. Но вечером 8 декабря Вандом под покровом темноты внезап-

но окружил город и начал его осаду. 9 декабря французский маршал призвал горожан и Стэнхоупа сдаться, но получил отказ. После этого последовал штурм, закончившийся победой французов. Англичане потеряли 3000 убитыми, 300 было ранено и около 2000 взято в плен. Если бы Стэнхоуп продержался еще 12 часов, то ему, возможно, помог бы выйти из окружения Штаремберг, к тому времени повернувший назад, чтобы выручить англичан. Но австриец сориентировался слишком поздно.

На следующий день, близ города Вильявисьосы, армия Штаремберга столкнулась с наступавшими войсками Вандома. К вечеру 10 декабря Штаремберг потерял три четверти 11,5-тысячной армии — на поле боя остались лежать убитыми 2800 солдат, 5600 было взято в плен. Вандому также достались 22 орудия, снаряжение и огромное количество знамен, штандартов и литавр. «Никогда не было для армий короля более удачного сражения, чем сражение при Вильявисьосе, которое принесло ему полную победу; эта огромная армия, которая дошла до Мадрида и создавала угрозу для оккупации всей Испании, теперь полностью разбита в двух боевых операциях», — писал в реляции в Версаль счастливый Вандом⁵⁴. Сражения при Бриуэге и Вильявисьосе уничтожили последний шанс эрцгерцога Карла стать Карлом III Испанским. «Сражение при Вильявисьосе, — запишет в дневнике маркиз де Торси, — меняло полностью развитие событий в Испании и соответственно во всей Европе»⁵⁵. 29 декабря 1710 г. Людовик заказал в честь этой победы торжественный молебен в Версале.

Под яростным нажимом Вандома Штаремберг быстро отступал через Арагон и 6 января 1711 г. достиг Барселоны. Тем временем Ноай готовил кампанию в Руссильоне. Несмотря на зимние условия, 15 декабря французские войска осадили крепость Жерона. Через 20 дней она пала. Союзники оказались окружены в районе Барселоны, но обе стороны временно прекратили военные действия. Военные акции в Испании теперь зависели от решений в дипломатических кругах, которые активизировали работу в связи со смертью в апреле 1711 г. императора Иосифа I.

В Европе вновь, как в XVI в., возник призрак универсальной мировой империи Карла V Габсбурга: ведь нарушение баланса сил на континенте в случае утверждения на престоле в Мадриде Карла III становилось очевидным. Английское правительство стало ориентироваться на восстановление европейского равновесия, оставив Испанию Бурбонам. 27 сентября новый император Священной Римской империи под именем Карла VI покинул Барселону на английский корабль. «Я принял все меры, чтобы мирная партия одержала верх в Англии, и теперь у нее добрые намерения относительно нас... Я сделал, как видите, очень много, чтобы сохранить для Вас трон», — заявлял в письме внуку, как будто обязывая его, Людовик XIV. Ведь в 1711 г. Филипп отказывался принять потерю Гибралтара и Менорки, с чем соглашалась дипломатия Версаля на секретных переговорах с Англией. Тогда Людовик прямо заявил ему, что «бывают случаи, когда необходимо уменье проигрывать»⁵⁶. Филипп, однако, не чувствовал себя побежденным.

В феврале 1712 г. в Утрехте открылся мирный конгресс между Морскими державами и Францией, а 10 июня того же года герцог Вандом умер в Валенсии от апоплексического удара. Смерть прославленного полководца и близкого родственника короля опечалила не столько Версаль, сколько облачившийся в траур Мадрид. Но наступивший через полгода мир усвершенствовал блестяще проведенную военную работу герцога Вандома в Испании.

Правда, ускорять заключение мирных договоров в Утрехте пришлось не только испанским дипломатам герцогу Осуне и маркизу Монтелеону, но и самому Филиппу V. Лондон дал недвусмысленно понять: пока Филипп официально не отречется от своего имени и имени своих наследников от прав на французский трон, мирное соглашение невозможно. Поэтому осенью 1712 г. в Мадриде была издана «Декларация» короля, в которой он заявлял, «...что поскольку мирные переговоры касаются нашей страны... чтобы стабилизировать эти переговоры и обеспечить баланс сил в Европе, мы соглашаемся от

нашего имени и имени наших наследников отказаться от всех прав на французский престол... Но, чтобы баланс сил был сохранен, необходимо также предпринять все шаги, чтобы наше наследство не перешло австрийскому дому, поскольку этот дом даже без имперских ленов очень велик. Мы также согласовали с Ее Величеством королевой Англии и нашим делом, королем Франции, что если наша линия прервется, наследником трона станет герцог Савойи и его сыновья, а если и его линия по каким-либо причинам оборвется, наследником будет принц Амадео ди Кариньяно и его сын...»⁵⁷. 5 ноября 1712 г. в присутствии послов Англии и Голландии отказ Филиппа от французской короны был утвержден кортесами.

В Утрехте был подписан не один договор, а целый ряд отдельных соглашений, из которых англо-французский договор о мире был заключен вторым, 31 марта 1713 г., а англо-испанский — третьим, 13 июля 1713 года. Во время работы конгресса в Утрехте Вена еще находилась в состоянии войны с Версалем. Договор с Францией был заключен ею в Раштатте 6 марта 1714 г., а подписан только в Бадене 7 сентября. Всего же соглашений, венчавших войну за испанское наследство, было четырнадцать. Их содержание, касавшееся Испании, сводилось к следующему. Филипп V признавался королем Испании и властителем ее американских колоний. По требованию англичан его представители согласились на приобретение Каталонией тех же прав и привилегий, что и в Кастилии. Немалые земельные приобретения за счет Мадрида (Испанские Нидерланды и Милан, Тоскану, Сардинию и Неаполь в Италии) получили Габсбурги, отказавшись от испанской короны. Виктор Амедей Савойский расширил свои владения за счет Сицилии и повысил свой статус — стал сицилийским королем. Он также имел право на испанское наследство, если у Филиппа не будет детей мужского пола. Так Испания, лишившись всех итальянских владений, теряла контроль в западном Средиземноморье. Португалии были обеспечены ее права на Бразилию вместе с Амазонкой, на которую претендовали французы. Голландия получала коммерческие привилегии со стороны Франции и Испании и благоприятный тариф в Южных Нидерландах. К Англии отошли Гибралтар, Менорка, Новая Шотландия, территория Гудзонова залива, Сен-Кристофер. Разрушение Дюнкерка обеспечило ей господство в Ла-Манше. Лондон получал права рыбной ловли у Ньюфаундленда и асiento в испанских колониях. Доходная торговля неграми, за счет которой будут накоплены основные капиталы для промышленного переворота, на 30 лет перешла в руки британских компаний⁵⁸.

Утрехтская система, теоретически регулировавшая отношения между крупными державами Европы, была навязана Испании, и поэтому та впоследствии неоднократно предпринимала попытки опрокинуть ее. А Баденский трактат вообще не включал мира между Империей и Испанией, оставляя последнюю свободной предпринимать действия в Средиземноморье. Формально оставаясь в состоянии войны, еще полвека эти две державы продолжали биться за контроль над Италией.

Еще год после заключения Испанией и Францией мира в Утрехте с Англией и Голландией бушевало пламя сопротивления Каталонии власти Филиппа V. Однако когда каталонцы узнали о том, что тот, кого они хотели видеть своим королем, стал управлять Священной Римской империей, оно существенно ослабло. В 1712 г. значительная часть населения Барселоны уже готова была признать династию Бурбонов и даже агитировала антибурбонскую партию, готовую сделать Каталонию леном Империи на условиях полной автономии, пойти на компромисс. Не исключено, что это помогло полномочному послу Франции и командующему армией двух Корон герцогу Бервику 12 сентября 1714 г. взять Барселону. Огнем высшим представителем короны здесь стал наделенный диктаторскими полномочиями капитан-генерал, совмещавший функции военного и гражданского губернатора⁵⁹.

В войне за испанское наследство Испания сохранила все то, что можно было сохранить в новом формирувавшемся соотношении сил на континенте. И немало получила — реформы, проведенные в Испании во время войны,

способствовали ее достойному вступлению в век Просвещения. Были достигнуты большие успехи в деле централизации и монополизации государственной власти, радикально изменилась политическая география королевства. Из федерации двух монархий — Кастилии и Арагона — Испания превратилась в единое государство, хотя Наварра и Страна Басков в награду за их преданность Филиппу V в годы войны полностью сохранили автономию и традиции. Война за наследство заставила Испанию перестроиться — ее сила теперь заключалась не в обширной империи, а в собственных внутренних активах. В моральном и государственном отношении жители Пиренейского полуострова, защищая права Филиппа Бурбона, во многом выиграли.

Примечания

1. См., напр.: DUCHHARDT H. Krieg und Frieden im Zeitalter Ludwigs XIV. Düsseldorf, 1987; BLACK J. Eighteenth Century Europe. 1700—1789. L., 1990; BELY L. Les relations internationales en Europe — XVIIe — XVIIIe siècles. Paris, 1992; MALETTKE K. Les relations entre la France et le Saint-Empire au XVII siècle. Paris, 2001; HOCHEDLINGER M. Austria's Wars of Emergence. War, State and Society in the Habsburg Monarchy 1683—1797. L.; N.Y., 2003.
2. Похожая точка зрения прослеживается в ряде работ испанских и французских историков, а также английского знатока испанской истории Г. Кеймена: KAMEN H. The War of Succession in Spain 1700—1715. L. 1969; Historia d'España. 10. Las Borbones en el siglo XVIII (1700—1808). Madrid. 1991; ALBAREDA I SALVADO J. Els Katalans i Felip V de la conspiració a la revolta (1700—1705). Barcelona. 1993; BOTTINEAU I. Les Bourbons a l'Espagne 1700—1808. Paris. 1993; КЕЙМЕН Г. Испания: дорога к Империи. М. 2007.
3. KENNEDY P. Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. L.; Sydney; Wellington. 1998, p. 73—74.
4. SCHRYVER R. Max II Emanuel von Bayern. Mainz. 1996, s. 5; SPIELMAN J.P. Leopold I of Austria. New Brunswick (New Jersey). 1977, p. 52—54.
5. Цит. по: КАЛНЕЙН А. фон. Карл II (1665—1700). В кн.: Испанские короли. Ростов-на-Дону. 1998, с. 170—171.
6. SCHRYVER R. Op. cit., s. 6; ШИНДЛИНГ А., ЦИГЛЕР В. Кайзеры. Священная Римская империя, Австрия, Германия. Ростов-на-Дону. 1997, с. 218—219.
7. SCHRYVER R. Op. cit., s. 8—9.
8. SPIELMAN J. Op. cit., p. 174.
9. Archives ou correspondance inedite de la Maison d'Orange-Nassau. 1697—1700. Leyde. 1909, p. 133.
10. English Historical Documents. Vol. VIII. L. 1953, p. 869—873; MALETTKE K. Op. cit., p. 530—541; ARETIN K.O. Das Alte Reich. Bd. 2. Kaisertradition und österreichische Großmachtspolitik 1684—1745. Stuttgart. 1997, s. 98—100.
11. MALETTKE K. Op. cit., p. 555.
12. Memoirs pour servir a l'histoire des negotiations depuis le traite de Riswick jusqu'a la paix d'Utrecht. La Haye, 1756. T. I, p. 200—202.
13. English Historical Documents. Vol. VIII, p. 873—874; Spain under the Bourbons 1700—1833. A collection of documents. Macmillan. 1973, p. 17—18.
14. Historia d'España. 10, p. 466—470.
15. Цит. по: KAMEN H. Op. cit., p. 25.
16. Spain under the Bourbons, p. 8—9.
17. Oeuvres de Louis XIV. T. VI. Paris. 1806, p. 56.
18. КЕЙМЕН Г. Ук. соч., с. 605.
19. ALBAREDA I SALVADO J. Op. cit., p. 48.
20. Oeuvres de Louis XIV, p. 81, 89—90; BOTTINEAU I. Op. cit., p. 47, 52—53.
21. ИВОНИН Ю.Е. Евгений Савойский. — Вопросы истории. 2006, № 6, с. 50; HOCHEDLINGER M. Op. cit., p. 176; VOCELKA K. Österreichische Geschichte 1699—1815. Glanz und Untergang der hofischen Welt. Representation, Reform und Reaktion im Habsburgischen Vielvölkerstaat. Wien. 2001, s. 144—145.
22. WANDRUSZKA A. Österreich und Italien im 18. Jahrhundert. München. 1963, s. 18.
23. Цит. по: KAMEN H. Op. cit., p. 57. БЛЮШ Ф. Людовик XIV. М. 1998, с. 621.
24. Цит. по: KAMEN H. Op. cit., p. 58—62.
25. МЭХЭН А.Т. Влияние морской силы на историю. М. СПб. 2002, с. 236; Historia d'España. 10, p. 476—477; Die Schlacht von Hochstadt. The Battle of Blenheim. Ulm. 2004, s. 92.
26. КЕЙМЕН Г. Ук. соч., с. 608.
27. Oeuvres de Louis XIV. T. VI, p. 79.

28. КЕЙМЕН Г. Ук. соч., с. 606.
29. ШАНДЕРНАГОР Ф. Королевская аллея. Воспоминания Франсуазы д'Обинье, маркизы де Ментенон, супруги короля Франции. М. 1999, с. 486; RULE J.C. King and minister: Louis XIV and Colbert de Torcy. — Louis XIV and Europe. L., N.Y. 1976, p. 222.
30. Цит. по: KAMEN H. Op. cit., p. 83—84.
31. BOTTINEAU I. Op. cit., p. 55—56.
32. INGRAO Ch.W. In Quest and Crisis: Emperor Joseph I and the Habsburg Monarchy. West Lafayette. 1979, p. 161; The letters and diplomatic instructions of Queen Anne. L. 1935, p. 135—136, 142—143.
33. Historia d'España. 10, p. 477; Spain under the Bourbons, p. 19—21.
34. Historia d'España. 10, p. 477—478.
35. Eng. Hist. Doc. Vol. VIII, p. 839—840; МЭХЭН А.Т. Ук. соч., с. 241.
36. Historia d'España. 10, p. 478.
37. BOTTINEAU I. Op. cit., p. 58; ШТЕНЦЕЛЬ А. История войн на море. Т. 2. М. 2002, с. 253—254.
38. БЛЮШ Ф. Ук. соч., с. 619.
39. KAMEN H. Op. cit., p. 64—65.
40. Цит. по: Ibid., p. 86.
41. Historia d'España. 10, p. 479.
42. The letters and diplomatic instructions of Queen Anne, p. 204—206.
43. Eng. Hist. Doc. Vol. VIII, p. 821—823; Historia d'España. 10, p. 479—480; Spain under the Bourbons, p. 34—35.
44. Historia d'España. 10, p. 480; BOTTINEAU I. Op. cit., p. 51; История Европы. М. 1994, с. 153—155.
45. ШТЕНЦЕЛЬ А. Ук. соч., с. 258; Historia d'España. 10, p. 480.
46. BRAUBACH M. Prinz Eugen von Savoyen. Eine Biographie. Wien. 1963. Bd. II, s. 161—163; SCHILLING H. Höfe und Allianzen. Deutschland 1648—1763. Berlin. 1998, s. 263.
47. INGRAO Ch.W. Op. cit., p. 162—163.
48. Ibid., p. 164; The letters and diplomatic instructions of Queen Anne, p. 207.
49. ШТЕНЦЕЛЬ А. Ук. соч., с. 259; KAMEN H. Op. cit., p. 22.
50. Oeuvres de Louis XIV. T. VI, p. 200.
51. ШТЕНЦЕЛЬ А. Ук. соч., с. 261; KAMEN H. Op. cit., p. 162—163.
52. Eng. Hist. Doc. Vol. VIII, p. 826; Oeuvres de Louis XIV. T. VI, p. 207—211; Historia d'España. 10, p. 483.
53. KAMEN H. Op. cit., p. 24; Memoires secret et inedit de marquis du Sourches sur le regne de Louis XIV. P. 1836. T. 11, p. 97.
54. Memoires secret., p. 99; Historia d'España. 10, p. 484.
55. Journal inedit de Jean Baptist Colbert Marquis de Torcy. P. 1884 (2 ed. 1903), p. 77.
56. Oeuvres de Louis XIV. T. VI, p. 218—219.
57. Spain under the Bourbons, p. 45—48.
58. British Diplomatic Instructions 1689—1789. L. 1925. Vol. II, p. 25; The letters and diplomatic instructions of Queen Anne, p. 276, 364—365; Recueil des instructions donnees aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traits de Westfalie jusqu'a la Revolution Française. Autriche. P. 1884, p. 152—153; BELY L. Methodes et perspectives dans l'etude des negociations internationales a l'epoque moderne (l'exemple d'Utrecht). — Frankreich in europaischen Staatensystem der früherer Neuzeit. Sigmaringen. 1995, s. 223.
59. Spain under the Bourbons, p. 52—53; ALBAREDA I SALVADO J. Op. cit., p. 329.